

МАРДЖОРИ КИННАН
РОЛИНГС

СВЕРСТНИКИ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Р67

Marjorie Kinnan Rawlings
THE YEARLING

Перевод с английского Владимира Смирнова
Серийное оформление и иллюстрация на обложке Екатерины Скворцовой
Оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Ролингс М. К.

Р67 Сверстники : повесть / Марджори Киннан Ролингс ; пер. с англ. В. Смирнова. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 560 с. — (Старая добрая...).

ISBN 978-5-389-32787-0

Глухие леса Флориды, 1870-е годы. Болота, сосны, гремучие змеи и медведи. Дожди, которые могут идти неделями, и засухи, способные сжечь все посевы. Здесь, на клочке земли, отвоеванном у дикой природы, который семья Бэкстер называет островом, живет двенадцатилетний Джоди. Его мир — работа от рассвета до заката и редкие вечера, когда уставший отец рассказывает истории у очага...

Это книга о взрослении, о суровой правде быта американских фермеров-скваттеров и о настоящей мужской дружбе между отцом и сыном. Но главное — это трогательная история любви двух сверстников: мальчика, которому не хватает брата и товарища, и осиротевшего олененка, которого Джоди выкармливает и растит как самого близкого друга.

Здесь нет места лжи, нет хеппи-энда, волшебного спасения в последнюю секунду... Есть только жестокая правда природы: если хочешь жить — убивай. Если любишь — отпускай. И иногда то, что ты любишь больше всего на свете, должно умереть, чтобы ты сам выжил. Именно за эту правдивость и щемящую трогательность произведение высоко оценил Эрнест Хемингуэй, а в 1939 году оно было удостоено Пулитцеровской премии.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© В. А. Смирнов (наследники), перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-32787-0

Глава первая

Дымок тонкой струйкой поднимался из трубы прямо вверх. Голубой у ее глиняно-красного среза, он уплывал в синеву апрельского неба и был уже не голубой, а серый. Джоди смотрел на него, раздумывая. Огонь в очаге угасал. Они только что отполднивали, мать прибирала посуду. Была пятница. Мать подметет в доме метлой из веток ти-ти, а потом примется оттирать пол мочалкой из оберток кукурузных початков. В таком случае она не сразу хватится его, и он успеет добраться до Серебряного Дола.

Он постоял с минуту, держа на плече мотыгу.

Всем бы хороша была росчисть, если б только не эти непрополотые ряды молодых всходов кукурузы. Дикие пчелы обнаружили мелию у калитки. Они жадно зарываются в нежные бледно-лиловые соцветия, словно и нет в зарослях других цветов, словно они забыли о желтом жасмине мартовской поры, о ждущем их в мае цветении магнолии и лавра. Если проследить за стремительным полетом их золотисто-черных тел, подумалось Джоди, то можно найти дерево с дуплом, полное янтарного меда. Зимний запас сиропа из сахарного тростника подошел к концу, и от ягодных варений

тоже почти ничего не осталось. Найти дерево с дуплом куда достойнее, чем тяпать мотыгой; ничего с ней не сделается, с кукурузой, может и подождать денек.

Полдень полон какого-то кропотливого копошенья. Это ощущение точит его, как пчела цветок: прочь отсюда, сначала через росчисть, потом сосняком, а там вниз по дороге к бегучему ручью. Пчелиное дерево должно быть где-то возле воды.

Джоди приткнул к изгороди мотыгу, прошел по кукурузному полю, и вот уж его не видно из дому. Он на руках перемахнул через изгородь. Джулии, старой охотничьей собаки, нет дома; отец увез ее с собой в Грейамсвилл, но бульдог Рвун и их новая дворняжка Резвуха заметили взметнувшуюся над изгородью тень и кинулись к ней. Рвун взлаял низким басом, голос Резвухи был пронзителен и высок. Узнав мальчика, собаки заискивающе завиляли короткими хвостами. Он прогнал их обратно. Они равнодушно смотрели ему вслед. Жалкие, никчемные твари, подумалось Джоди, все бы им гонять, хватать, убивать. Он их не интересовал, разве когда приносил им плошки с объедками по утрам и вечерам. Старая Джулия, та могла быть ласковой с людьми, но свою уже беззубую преданность дарила одному только его отцу, Пенни Бэкстеру. Джоди пробовал подольститься к ней, но она решительно не хотела иметь с ним дела.

— Вы оба были еще щенками, — объяснял отец, — десять лет назад это было, тебе два года, а она совсем еще крошка. Ты примял ее, не нарочно, конечно. И вот

теперь она не может довериться тебе. С собаками это часто бывает.

Джоди обогнул сарай и кукурузный амбар и пошел через дубняк на юг. Ему бы такую собаку, как у бабушки Хутто. Она такая беленькая, кудрявенькая и умеет делать разные штуки. Когда бабушка Хутто начинает смеяться так, что вся трясется и не может остановиться, собака прыгает ей на колени, лижет ее в лицо и машет своим перистым хвостом, словно смеется с нею вместе. Он бы обрадовался любому зверьку, лишь бы тот был его собственный, лизал бы его в лицо и повсюду ходил за ним, как старая Джулия за отцом.

Джоди выбрался на песчаную дорогу и припустил бегом на восток. До Дола было две мили, но ему казалось, что он может бежать вечно. В его ногах не было боли, как на прополке кукурузы. Он замедлил бег — пусть подольше продлится дорога. Вот он миновал высокий сосновый лес и оставил его позади. Здесь скраб вплотную подступал к дороге, и она шла, с обеих сторон теснимая частоколом песчаных сосен, таких тонких, что каждая из них, казалось, могла служить лучиной для растопки.

Тут был подъем, и на его вершине Джоди остановился. Апрельское небо, окаймленное ржавым песком и соснами, было синее, как его рубаша из домотканой холстины, окрашенной индиго бабушки Хутто. Маленькие облачка на нем стояли неподвижно, белые, словно хлопковые коробочки. Он смотрел и смотрел,

как вдруг солнечный свет пригас на мгновение, облака посерели.

«Еще до вечера брызнет дождичек», — подумал он.

Вниз под горку манило бежать вприпрыжку. А вот и дорога на Серебряный Дол, толсто подостланная песком. Беярия, пиерис и искрянка уже стояли в цвету. Джоди замедлил шаг, — он проследит перемены в мире растений на каждом дереве, на каждом кусте, знакомом и неповторимом. Вот магнолия, на которой он вырезал морду дикой кошки. Вся растительность говорила о том, что где-то близко — вода. Странное дело, думалось ему, что поджарые сосны всегда растут в зарослях, тогда как при всяком ручье, при всяком озере или реке растут магнолии: ведь земля есть везде земля, а дождь — везде дождь. Собаки, например, повсюду одинаковы, и волаы, и мулаы, и лошади тоже. А вот деревья разные в разных местах.

«Наверное, это оттого, что они не могут сойти с места», — решил он. Им приходится питаться тем, что лежит в земле под ними.

Восточная кромка дороги отлого шла вниз и там, футах в двадцати у него под ногами, спускалась к ручью. Крутогор этот густо порос магнолиями, гордониями, камедными деревьями и сероствольным ясенем. В их прохладной тени Джоди сошел к ручью. Им овладела острая радость. Это было потайное, восхитительное местечко.

Прозрачный, как колодезная вода, родник бил из песка неведомо откуда. Казалось, берега, словно две зе-

ленных облиственелых руки, сложились горстью и держат его. Там, где вода поднималась на поверхность, бурлил небольшой водоворот. В нем кружились крупинки песка. Чуть повыше над берегом бил из земли основной родник: он проточил себе русло в белом известняке и стремительно бежал вниз по склону, разрастаясь в ручей. Ручей вливался в озеро Джордж, а озеро Джордж было частью реки Сент-Джонс — крупной реки, которая текла на север и впадала в море. Это было волнующее зрелище — наблюдать начало океана. Конечно, существовали и другие начала, но это было его собственное. Приятно думать, что никто, кроме тебя, не бывает здесь. Только ты, дикие звери да томимые жаждой пчелы.

Пробежка разгорячила Джоди. Сумрачный дол словно прикоснулся к нему своими прохладными руками. Он подвернул свои синие бумажные штаны и стал голыми грязными ступнями в мелкую воду родника. Пальцы ног тотчас ушли в песок, тот мягко просочился между ними и обволок его костлявые лодыжки. Вода была до того холодная, что в первое мгновение обожгла кожу. Потом с булькающим звуком быстро потекла между его тонкими ногами, и это было страшно приятно. Он стал ходить по воде взад и вперед, подковыривая большим пальцем гладкие камни, попадавшие ему на глаза. Стайка голянов прыснула от него вниз по ручью, и он погнался за ней по мелководью, но они скрылись из виду так внезапно, словно их и не было вовсе. Тогда он присел под голым, нависающим

над водой корневищем живого дуба; ручей образовал тут глубокий прудок, и Джоди надеялся, что гольяны появятся вновь, но лишь зеленая лягушка, дергаясь, всплыла из-под слоя грязи, вытаращилась на него и в паническом страхе нырнула под корневище. Джоди рассмеялся.

— Не бойсь, не трону! — крикнул он ей. — Я не енот!

Легкий ветерок всколыхнул сомкнутый шатер веток над его головой. В просветы между ветками на его голову, плечи брызнул солнечный свет. Это было приятное ощущение: голове тепло, а заглубелым, мозолистым ступням студено.

Ветерок спал, солнце снова закрылось. Джоди перебрался на противоположный берег: растительность там была не такая густая. Низенькая карликовая пальма тихонько тронула его на ходу. Это напомнило ему о том, что его нож тут, у него в кармане; что не далее как на Рождество он мечтал о том, чтобы смастерить себе мельницу-махалку.

Джоди еще ни разу не случалось сооружать мельницу-махалку самому. Оливер, сын бабушки Хутто, моряк, всегда делал их для него, когда приезжал домой на побывку. Джоди сосредоточенно нахмурился, вспоминая, под каким углом должны располагаться крылья махалки, чтобы она вращалась равномерно. Он срезал две ветки с развилкой и выстругал из них рогульки одинаковой величины. Оливер особенно заботился о том, чтобы поперечина была круглой и гладкой, вспомни-

лось Джоди. Примерно вполвысоты берегового ска-
та росла дикая вишня. Он поднялся к ней, срезал ве-
точку, ровную и гладкую, как полированный карандаш,
затем выбрал пальмовую ветку и вырезал из ее твердой
волокнистой древесины две дощечки в дюйм шириной
и четыре длиной. В каждой из них, ровно посередке,
он прорезал щель, чтобы как раз проходила вишневая
палочка. Пальмовые дощечки должны располагаться
под тем же углом, что крылья ветряной мельницы. Он
старательно примастачил их.

Джоди расставил рогульки примерно на длину
вишневой палочки и глубоко вогнал их в песок, отсту-
пя несколько ярдов от родника. Поток тут был все-
го в несколько дюймов глубиной, но бежал быстро
и напористо. Пальмовые лопасти должны были толь-
ко чуть-чуть касаться воды. Он помудровал с рогуль-
ками, устанавливая их на нужную глубину, потом по-
ложил на них вишневую палочку. Она осталась не-
подвижной. Весь напрягшись от ожидания, Джоди
повертел ее, помогая ей притереться в развилках рогу-
лек. Она начала вращаться. Течение увлекало за собой
гибкий кончик пальмовой пластинки, а когда он под-
нимался и высвобождался, силой вращения оси при-
ходил в соприкосновение с потоком кончик другой.
Маленькие лопасти поднимались и опускались, под-
нимались и опускались. Колесо вертелось. Мельница-
махалка работала. Она вращалась с ритмичной легко-
стью колеса большой водяной мельницы в Линне, ко-
торая перетирала в муку кукурузные зерна.

Джоди глубоко вздохнул, улегся на поросший травой песок у края воды и весь отдался волшебству движения. Вверх и вниз, вверх и вниз — мельница-махалка завораживала. Бурля пузырями, родник будет вечно бить из земли, тоненькая струйка воды будет бежать бесконечно. Родник дает начало водам, стекающим в океан. Если только пальмовые лопасти не свалятся или перекушенная белкой веточка лавра, упав, не остановит хрупкое колесо, его мельница будет крутиться вечно. И когда ему будет много-много лет — столько же, сколько отцу, — кажется, и тогда ничто не остановит это зыбкое движение, и оно будет продолжаться так, как он породил его.

Джоди подвинул камень, упирившийся в его острые ребра, и поерзал на месте, вдавливая в песок лунки для бедер и плеч. Он вытянул руку, примостил на нее голову. Сноп солнечных лучей, теплый и невесомый, как легкое лоскутное одеяло, падал на него поперек. Разнеженный, утопая в песке и солнечном свете, он наблюдал за мельницей. Вращение колеса действовало усыпляюще. Его веки трепетали в лад маханию пальмовых лопастей. Серебряные капли, стекавшие с колеса, сливались в одно целое наподобие хвоста падающей звезды. Вода издавала такой звук, будто котенок лакал молоко. Вот квакша прокричала протяжно и смолкла. На какое-то мгновение мальчик виснет неподвижно над краем кручи, устланной мягким пухом щетки-травы, и квакша в звездном плеске мельницы-махалки виснет с ним вместе. Но вместо того чтобы

упасть через край, он погружается в эту мягкость. Синеет, в белых хлопьях облаков небо смыкается над ним. Он заснул.

Когда Джоди проснулся, ему показалось, что он не у русла ручья, а в каком-то совсем другом месте. Мир вокруг стал совсем иным, и поначалу ему подумалось, что он видит все это во сне. Солнце исчезло, и с ним вместе исчезли свет и тень. Нет больше ни черноты живых дубов, ни глянцеви́той зелени магнолий, ни золотистого кружевного узора там, где солнечный свет сеялся между ветками дикой вишни. Весь мир стал призрачно-серым, а сам он лежал в тончайшей, как водяная пыль водопада, дымке. Она щекотала кожу и была чуточку влажная, теплая и одновременно прохладная. Он перевернулся на спину, и было так, будто он смотрит в мягкую серую грудь печально воркующей голубки.

Джоди лежал, вбирая в себя изморось, словно молодое растение. Когда лицо стало мокрым, а рубашка волглой на ощупь, он выбрался из своего убежища. И вдруг замер на месте. Пока он спал, к роднику приходил олень. Свежие следы сбегали по восточному склону и останавливались у края воды. Резкие, заостренные — следы оленихи. Они были глубоко вдавлены в песок — это говорило о том, что олениха была взрослая, крупная. Быть может, даже стельная. Она спустилась к воде и жадно пила, не замечая его. Но потом учуяла. Там, где она в страхе заметалась на месте, песок хранил печать смятения и борьбы. Следы,

взбегавшие вверх по противоположному склону, были с долгим тревожным прочерком позади. Быть может, она вовсе не успела напиться, а, учуяв его, повернула и стремительно бросилась прочь, взметая копытами песок. Жаль, если она до сих пор сидит где-то в зарослях, томимая жаждой, с широко раскрытыми глазами.

Он огляделся, отыскивая другие следы. Вверх и вниз по склону пробегали белки, но они вообще были не из пугливых. И енот тоже навевывался сюда, лапы у него словно руки с острыми когтями, но только Джоди не мог с уверенностью сказать, как давно он тут был. Лишь отец, взглянув на след, мог безошибочно определить время, когда прошло дикое животное. А вот что олениха была тут и испугалась — это Джоди знал точно.

Он снова повернулся к своей мельнице. Колесо вращалось уверенно, словно она стояла тут уже не первый день. Хрупкие пальмовые лопасти выказывали недюжинную силу, шлепая по воде, и блестели от измороси.

Джоди взглянул на небо. В окружающей его серой мгле он не мог сказать ни который час, ни как долго он спал. Он вприпрыжку взбежал на западную сторону, где привольно расстилались открытые равнины, поросшие голым падубом, и остановился, раздумывая, уйти ему или остаться. Как раз в этот момент дождь перестал так же мягко, как и начался. С юго-запада потянул ветерок. Выглянуло солнце. Облака собрались в накатывающие волнами белые перистые гряды, а на востоке через весь небосклон выгнулась ра-

дуга, такая красивая и цветастая, что Джоди казалось, погляди он еще немного, и у него займется дыхание. Бледно-зеленая лежала земля, почти видим был воздух, золотистый от омытого дождем солнца, и мерцали глазурию дождевых капель деревья, кусты и травы.

Родник радости забил в нем неудержимо, как родник ручья. Он широко раскинул руки вровень с плечами, как держит крылья змеешейка, и закружился на месте. Он кружился все быстрее и быстрее, вихрь блаженства подхватил его, и когда ему показалось, что его сердце больше не выдержит и разорвется от счастья, у него закружилась голова, он закрыл глаза и пал ничком на поросшую щеткой-травой землю. Земля кружилась под ним, и он с нею вместе. Он открыл глаза: синее апрельское небо в хлопковых коробочках облаков кружилось над ним. Они вращались все вместе, мальчик и земля, деревья и небо. Но вот вращение прекратилось, в голове у него прояснело, и он поднялся. Джоди еще нетвердо стоял на ногах и чувствовал легкое головокружение, но что-то спало с его души, и апрельский день вновь стал как любой другой день — обычный, когда жизнь может идти дальше своим чередом.

Он повернулся и вприскок побежал обратно, полной грудью вдыхая аромат влажных сосен. Рыхлый песок, в котором по пути сюда увязали ноги, от дождя отвердел. Возвращаться домой было приятно. Солнце вот-вот готово было скатиться за горизонт, когда завиднелись болотные сосны, окружавшие рос-

чисть Бэкстеров. Высокими черными силуэтами они вырисовывались на багряно-золотом закатном небе. Слышно было, как квохчут и возятся куры, и по их голосам он понял, что их только что накормили. Он свернул на росчисть. Серая от непогод изгородь сияла в щедром свете весны. Из глинобитной трубы густыми клубами валил дым. На очаге, должно быть, стоит готовый ужин, в железной форме печется хлеб. Вот бы хорошо, если его отец еще не вернулся из Грейамсвилла. Джоди впервые пришло в голову, что, наверное, ему не следовало отлучаться из дому в отсутствие отца. Если вдруг матери понадобятся дрова, она теперь здорово сердита. Да и отец неодобрительно покачает головой и скажет: «Что же это, сын...»

Он услышал фыркание старого Цезаря и понял, что отец опередил его.

Росчисть была полна веселого гама. Ржала у ворот лошадь, в хлеву мычал теленок, и ему отвечала корова, с кудахтаньем рылись в навозе куры, и лаяли собаки в предвкушении вечерней кормежки. Хорошо, когда голоден и знаешь, что тебя накормят, и таким же нетерпеливым, но уверенным ожиданием полна вся домашняя живность. Конец зимы был голодноват: подобрались запасы кукурузы, сена и сушеного коровьего гороха. Но теперь апрель, теперь пажити зелены и сочны, и даже куры охотно щиплют молодые побеги травы.

Собаки разорили под вечер нору с крольчатами, и после такого лакомства объедки с домашнего стола их не прельщают. Старая Джулия лежит под повоз-

кой, утомленная дальней дорогой. Джоди толкнул калитку в палисад и пошел искать отца.

Пенни Бэкстер сидел на корточках возле поленницы. Он даже не успел снять с себя сюртук от черного суконного костюма, который был сшит еще к свадьбе, а теперь надевался лишь затем, чтобы подчеркнуть его непростое происхождение, когда он отправлялся в церковь или за покупками в город. Рукава сюртука были коротки, и не потому, что Пенни вырос, а потому, что, из года в год напиваясь летней влагой, утюженная и переутюженная ткань села. Джоди увидел руки отца, слишком большие для его тела, охватившие охапку дров. Отец исполнял его работу, и притом в своей лучшей одежде. Джоди подбежал к нему:

— Дай я понесу, па.

Этой готовностью он надеялся искупить свой проступок. Отец распрямился.

— А я уж совсем было отчаялся в тебе, сын, — сказал он.

— Я ходил в Дол.

— Что же, денек выдался на славу, как раз прогуляться в Дол, — сказал Пенни. — Да и куда угодно. Как это тебя занесло в такую даль?

Он силился вспомнить, что заставило его улизнуть, и не мог, словно все это было год назад. Он мысленно восстановил случившееся вплоть до того момента, когда снял с плеча мотыгу.

— А! — Теперь все было ясно. — Я хотел проследить за пчелами, найти пчелиное дерево.

— Ты нашел его?

Джоди оторопело уставился в пространство.

— Чтоб мне пусто было, я только сейчас вспомнил об этом!

Он был обескуражен, как собака для охоты по птице, застигнутая за гоньбой полевой мыши. Сконфуженно-оробело глядел он на отца. А в бледно-голубых глазах того светился лукавый огонек.

— Скажи правду, Джоди, и посрами дьявола, — продолжал отец. — Дупляное дерево было отличным предлогом пошляться без дела, так ведь?

Джоди широко ухмыльнулся.

— Мне припала охота еще до того, как я подумал о дереве, — признался он.

— Так я и думал. Откуда мне было знать? А вот откуда. Еду я себе в Грейамсвилл и так про себя рассуждаю: «Вот Джоди — мотыгой-то махать ненадолго его хватит. Что бы я сделал в такой славный весенний денек, будь я мальчишкой? Ну, ясно что: пошел бы пошлялся. Куда угодно, только бы бродить, смотреть».

Мальчика охватило теплом, и тепло это исходило не от золотого закатного солнца.

— Правда, как раз так я и думал, — сказал он.

— Но вот мать, — Пенни качнул головой в сторону дома, — этого не одобряет. Женщины, они всегда так, они просто не понимают, как это мы, мужчины, так любим бродяжить. Вот я и не выдал, что тебя нет. Она спрашивает: «Где Джоди?», а я ей: «Здесь, поди, где-нибудь».

Он подмигивает Джоди, и тот подмигивает в ответ.

— Нашему брату, мужчинам, надо держаться вместе, чтобы был мир. Ну, иди отнеси матери дровец, да побольше.

Джоди набрал полную охапку и поспешил к дому. Мать сидела на корточках перед очагом. Когда в нос ему ударил пряный запах еды, у него ноги подкосились от голода.

— Это лепешка из сладкого картофеля, да, ма?

— Да, это лепешка из сладкого картофеля, только вы, голубчики, давайте-ка поторапливайтесь, хватит вам баклуши бить да по городам разъезжать. Ужин готов.

Джоди свалил дрова в ящик и побежал на скотный двор. Отец доил Трикси.

— Мать велела все кончать и идти ужинать, — доложил Джоди. — Может, я накормлю Цезаря?

— Я уже накормил его, сын, дал бедолажке все, что положено. — Пенни встал с трехногой скамейки для дойки. — Отнеси молоко, только смотри не споткнись и не выплесни все на землю, как вчера... Тише, Трикси...

Он оставил корову и прошел в хлев к телятнику.

— Сюда, Трикси. Ну-ну, голубушка...

Корова замычала и подошла к телятнику.

— Тише ты! Вот жадный, совсем как Джоди.

Он погладил корову и теленка и вслед за мальчиком прошел в дом. Они по очереди умылись у лотка и вытерлись полотенцем, висевшим на ролике снаружи кухонной двери. Матушка Бэкстер сидела за сто-

лом, раскладывала по тарелкам еду. Ее грузная фигура целиком заполняла конец длинного узкого стола. Джоди и отец сели справа и слева от нее. Им казалось совершенно естественным, что она должна сидеть во главе стола.

— Ну что, проголодались сегодня? — спросила она.

— В меня влезет бочка мяса и бушель хлеба, — сказал Джоди.

— Это ты только говоришь так. Глаза-то у тебя больше желудка.

— Я бы тоже так сказал, — вставил Пенни, — не будь я умнее. Я, когда езжу в Грейамсвилл, всегда возвращаюсь страшно голодный.

— Это оттого, что ты пропускаешь там добрый глоток самогону, — заметила она.

— Нынче всего-то ничего. Выставлял Джим Тэрнбакл.

— А! Ну тогда ты никак не мог перебрать.

Джоди ничего не слышал, ничего не видел, кроме своей тарелки. Никогда еще он не был так голоден, и вот теперь, после тощей зимы и затяжной весны, когда им самим-то жилось едва ли сытнее, чем их скоту, матушка Бэкстер приготовила ужин впору хоть для священника. На стол была подана свежая зелень лаконоса, приправленная кусочками сала; сэндбагеры из картофеля с луком и мяса черепахи, которую он поймал вчера; померанцевые преснушки, и еще возле локтя матери лежала лепешка из сладкого картофеля. Он

разрывался между желанием взять еще преснушек и еще сэндбагер и родившимся из мучительного опыта знанием, что, если он съест все это, у него не останется места для лепешки. Выбор был прост.

— Ма, — сказал он, — можно я возьму свою долю лепешки прямо сейчас?

Мать на мгновение перестала питать свое большое тело, ловко отрезала ему щедрый кусок, и он ушел в его вкусную пряную благодать.

— Я столько времени готовила эту лепешку, — жалобно сказала она, — а ты нá вот — и оглянуться не успела, как извел ее...

— Это верно, я ем ее быстро, — согласился он, — но потом буду долго ее помнить.

Ужин подошел к концу. Джоди насытился. Даже отец, который обычно ел мало, как воробей, попросил добавки.

— Слава богу, я сыт, — сказал он.

Матушка Бэкстер вздохнула.

— Ежели бы кто зажег мне свечку, — сказала она, — я бы разделалась с посудой и, быть может, у меня б еще осталось время присесть отдохнуть.

Джоди встал из-за стола и зажег сальную свечу. Когда затрепетал, разгораясь, желтый язычок пламени, он выглянул в восточное окно. Взошла полная луна.

— Жалко тратить свет, когда полная луна, так ведь? — сказал отец.

Он подошел к окну, и они стали смотреть вместе.

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

МАРДЖОРИ КИННАН РОЛИНГС

СВЕРСТНИКИ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Софья Киселева, Антонина Филимонова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.06.2026.
Формат издания 76 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 26,60. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-GLD-42103-01-R